

УДК 323.1+93+342.55

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.165

Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера в историко-правовом измерении (на примере «архангельских ненцев») ¹

© Трошина Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: социальная и социокультурная история Русского Севера, историческая демография, историческая конфликтология. Автор более 190 научных работ, в том числе пяти монографий и трёх учебных пособий. Тел. +7-911-571

04 66. E-mail: tatr-arh@mail.ru

© Минчук Олег Викторович, ассистент кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: история формирования судебной системы Российской империи, судебная реформа 1864 года, правовые аспекты государственной молодёжной политики РФ. Автор ряда научных статей. Тел. +7-921-246 55 85. E-mail: minchuk-oleg@rambler.ru

Аннотация. Анализируются модели государственной политики, направленной на включение европейских ненцев в общегосударственное правовое пространство. Привлечение большого количества опубликованных свидетельств чиновников и путешественников, а также архивных документов иллюстрирует как положительные, так и неуспешные последствия реализации этой политики, которая имела схожие формы в имперский, раннесоветский, советский и постсоветский период. Ставится проблема культурной устойчивости ненецкого этноса, выработавшего механизмы противодействия внутренним и внешним разрушающим этническое единство силам.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы Севера, европейские ненцы, государственное законодательство, этнополитика, патернализм, либерализм, культурная устойчивость, этнические стереотипы*

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Establishment of the state policy towards indigenous peoples of the North and its historical and legal dimensions (case of "Arkhangelsk Nenets")

© **Tatyana I. Troshina**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social Work and Social Security of NArFU named after M.V.Lomonosov. Research interests: social and socio-cultural history of the Russian North, historical demography, historical conflict. Author of over 190 scientific publications, including five books and three textbooks. E-mail: tatr-arh@mail.ru

© **Oleg V. Minchuk**, Assistant of the Department of Social Work and Social Security of NArFU named after M.V. Lomonosov. Research interests: history of the legal system of the Russian Empire, the legal reform 1864, the legal aspects of the state youth policy of the Russian Federation. Author of several scientific articles. E-mail: minchuk-oleg@rambler.ru

Abstract. The model of public policies aimed at the inclusion of European Nenets in the national legal space is analyzed. A large amount of published evidences of officials and travelers, as well as the archive materials show both positive and unsuccessful consequences of this policy, similar to the imperial, early Soviet, Soviet and post-Soviet ones. The issue of cultural sustainability of the Nenets ethnos that has developed mechanisms to counter internal and external forces destructive for their ethnic unity is discussed.

Keywords: *indigenous peoples of the North, European Nenets, legislation, ethnic policy, paternalism, liberalism, cultural sustainability, ethnic stereotypes*

Актуальность

Особое внимание российского государства и общества к проблеме выстраивания взаимоотношений с коренными малочисленными народами Севера (КМНС) обуславливается рядом факторов. *Во-первых*, территории Российской Арктики, в том числе Ненецкий автономный округ, являются важнейшим стратегическим ресурсом государства и сохранение их в составе России остается важнейшей задачей. При этом малозаселённость и слабая инфраструктура северных территорий подталкивает заинтересованные в их свободной эксплуатации стороны дискутировать по вопросу о признании их «ничейными» — terra nullius (в ООН уже вносилось предложение установить порог плотности населения 5 чел/км²). Естественно, что для России является приоритетом нивелирование любых процессов, посягающих на территориальную целостность. *Во-вторых*, форсированная интернационализация в сфере прав коренных народов на современном этапе чревата нарушением этнической стабильности в регионе. Исторический опыт начала XX века заставляет задуматься над недооценкой проведения комплексной работы с коренными народами. Например, финны с первых десятилетий XIX века вели активную культурную работу с карельским населением, норвежцы — с лопа-

рями (саами), проживавшими на сопредельных территориях России. В революционный период Финляндия договорилась с Советской Россией о проведении референдума среди населения западной части Кольского полуострова о государственном самоопределении. И только события Гражданской войны не позволили реализовать этот проект в полной мере. Западная переориентация экономических интересов лопарей, жителей столь привлекательно для Норвегии Мурмана, при определённых условиях также могла привести к потере Россией этих земель. Учитывая данную ситуацию, актуализируется необходимость историко-правового осмысления этнополитики Российского государства.

Основные этнополитические модели в отношении КМНС

Обширный нормативный материал и научные изыскания дореволюционных, советских и современных исследователей позволяют говорить о существовании как минимум трех исторических моделей государственной политики в отношении коренных малочисленных народов. Каждая из моделей имела достаточно проработанную правовую и концептуальную основу, но в то же время противоречивую практику реализации.

Основными идеями, на которые опиралось государственное законодательство в различные исторические периоды, были следующие: 1) Период первой четверти XIX — начала XX века (или «либеральная модель») включала в себя идеи модернизации и связанного с ними «мягкого» патернализма по отношению к менее развитым в экономическом, социально-политическом и культурном отношении народам. В правовом регулировании прослеживался дифференцированный подход и учёт особенностей групп, нацеленность на комплексный охват наиболее важных отношений, касающихся как материальных основ жизнедеятельности этих народов [1, с. 43], так в свою очередь, и интересов государства. 2) Советский период: «преодоление вековой отсталости» и помощь в «переходе от первобытного общества к социализму», минуя иные социально-экономические формации. Происходит выстраивание полноценной политики патернализма, «патерналистская» модель. 3) Постсоветский период характеризуется включением России в общемировую практику в отношении коренных малочисленных народов, а именно, проведение политики содействия их устойчивому развитию, обеспечения и гарантирования их прав, а также выстраивание «партнёрских отношений».

Следует отметить, что именно Россия имеет длительный и при этом положительный опыт бережного отношения к коренным малочисленным народам, которые в её составе имели все шансы сохраниться в демографическом и культурно-экономическом отношении. Западные страны, исторический опыт которых чаще всего связан с полной ассимиляцией и даже физическим исчезновением многих этнографических народов, теперь являются «локо-

мотивом» по продвижению законов, направленных на сохранение оставшихся этносов. Такая политика, нередко излишне экспансивная, может способствовать обострению внутреннего напряжения в странах, сохранивших свою полиэтничность.

Несмотря на различное идеологическое содержание представленных моделей, в них можно выделить общие направления этнополитики России в отношении ненцев (до 1930 года официальное наименование — «самоедов»). *Во-первых*, это обеспечение бесконфликтных отношений с коренными народами, что в условиях огромных слабозаселенных территорий, недостатка государственных чиновников и полицейских сил уменьшало опасности для власти и проживавшего по соседству русского населения. *Во-вторых* — минимизация расходов по привлечению для государственных нужд природных богатств территорий, занятых коренными народами. Первоначально это была пушнина, мамонтовая кость, ценные породы рыб; затем — полезные ископаемые, и в первую очередь нефть и газ. Политика, нацеленная на товаризацию эксплуатации природных ресурсов, создавала и создаёт дополнительное напряжение между государством и коренным населением, что потребовало подходов к взаимоотношениям, построенных на льготах. *В-третьих* — постепенное включение коренных народов в общую социальную и культурную жизнь государства.

Поиск компромисса между государством и ненецким этносом

Вопрос *правового статуса земель и территорий, занимаемых ненцами*, всегда являлся ключевым. В грамотах, подписанных Иваном Грозным и неоднократно подтверждаемых впоследствии, им гарантировалось монопольное право на тундры в обмен на уплату ясака. По «Уставу об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии» от 18 апреля 1835 года, ненцам в потомственное владение отводилась территория земли в Мезенском уезде — Тиманская, Канинская и Большеземельская тундры². «Самоеды, владеющие тундрой с незапамятных времен, ...платившие и платящие за нее ясак, должны быть настоящими хозяевами тундры», — заявляла в 1870-х годах А.Я. Ефименко, опираясь на свидетельства и мнения других исследователей [2, с. 160]. Такая постановка вопроса (достаточно неожиданного, поскольку не ставился же он в отношении других народов империи) была связана с экономическим освоением этих территорий русскими и коми. Пришельцы постепенно проникали в тундры для занятий промыслами и скотоводством; местная администрация не всегда могла контролировать этот процесс. Например, во время переписи 1897 года были вы-

² Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии. Высочайше утвержденный 18 апреля 1835 года // Полное собрание Российской Империи — 2. Т. X. № 8071

явлены «неучтённые» поселения на Печоре. Когда же эти вопросы поднимались, то пришельцы по формальным признакам уже могли претендовать на статус «старожилов». В 1803 году произошло «полюбовное разделение» тундр между ненцами и коми-оленеводами, что в следующие десятилетия создавало постоянные проблемы.

В отношении новых обитателей тундры мнения как любознательных наблюдателей, так и экспертов (учёных-путешественников и государственных чиновников) разделились. Одни, например, чиновник Министерства земледелия и государственных имуществ В.А. Иславин [3], архангельский губернатор Н.Д. Голицын [4] придерживались того мнения, что пришельцы обманывают наивных и простодушных ненцев, спаивают их, в результате чего происходит обеднение последних. Выход из создавшегося положения видели в своего рода «резервациях», патерналистской защите ненцев от любого внешнего влияния и воздействия. Другие — архангельский губернатор А.П. Энгельгардт [5], губернский ветеринар С.В. Керцелли [6] исходили из того, что необоснованно «ради сохранения горстки самоедов <...> ...задерживать экономическое развитие обширного богатого края и подорвать благосостояние другого более многочисленного..., трудолюбивого, предприимчивого, способного к дальнейшему развитию и культурной жизни населения» [7, с.19—23]. По мнению А.П. Энгельгардта, «тундры, составляющие государственную собственность, должны быть представлены в общее пользование всего местного населения без различия племенного состава» [7, с. 22].

В 1860-х годах ненцы вместе с другими «иностранцами» были приписаны к сословию государственных крестьян. Решение «крестьянского вопроса» касалось кроме прочего предоставления прав собственников русскими и коми крестьянам, жившим в тундре и пользовавшимся правом «арендаторов» (у ненцев). Губернаторы находились в непрестом положении: с одной стороны, необходимо было оказывать поддержку ненцам, что требовали и столичные власти. С другой — коми-зыряне и русские тоже являлись жителями губернии. Как олениводы и промышленники, они были более «культурные», получали высокую прибыль и менее ненцев нуждались в государственной поддержке.

В 1890 году из Архангельской губернии поступило предложение лишить ненцев права распоряжаться тундрой, передав её им в бесплатное и бессрочное пользование. Все земельные «сделки» (прежде заключавшиеся как «полюбовные») должны были происходить только под контролем чиновников. При этом иные, кроме ненцев, пользователи тундр должны были уплачивать оброчные деньги и прочие платежи, которые шли в «самоедский капитал», направляемый на выплату жалования ненецким должностным лицам, на социальную под-

держку (например, выдачу пособия в случае падежа оленей и других бедствий), а также на создание необходимых для промысловой деятельности запасов.

В советское время была произведена «социализация» земель, которые полностью перешли в государственную собственность. В 1930-е годы массовой коллективизацией хозяйств были охвачены и ненцы-оленеводы. Согласно «Уставу сельскохозяйственной артели» (1935), все земли сельскохозяйственного назначения были закреплены за колхозами и переданы им в бесплатное и бессрочное пользование. Существенная государственная помощь колхозам (зоотехническая, ветеринарная и проч.) была положительно оценена большинством ненецкого населения.

Реформы 1990-х годов привели к роспуску многих колхозов, которые, впрочем, существующим законодательством признаются как форма хозяйственных объединений. Ряд бывших ненецких колхозов, преобразовавшись в сельскохозяйственные производственные кооперативы, даже не изменили свои прежние наименования («Рассвет Севера», «Путь Ильича», «Красный октябрь», «Дружба народов»), именуясь в повседневной речи «колхозами».

В настоящее время тундры не являются собственностью ненцев, но могут быть предоставлены им в безвозмездное пользование. В НАО большая часть земель (95%) — это земли сельскохозяйственного назначения; 74% их занимают олени пастбища. Территории, остающиеся в пользовании четырех названных выше «сельскохозяйственных производственных кооперативов» (бывших оленеводческих колхозов), являются землями традиционного природопользования окружного значения, на основании чего имеют статус особо охраняемых³, предполагающий запрет на отчуждение этих земель и передачу их в собственность, в том числе родовым общинам и другим хозяйственным коллективам. Остальные земли могут быть в собственности ненцев или их общин на тех же основаниях, что и у остальных граждан РФ.

Проблемы эффективного природопользования находились в центре возникающих конфликтов ненецкого населения с другими группами, стремившимися эксплуатировать тундры. Колхозное строительство в значительной степени опиралось на более прогрессивные методы ведения оленеводства, чем было в ненецкой традиции; отдельные его стороны (например, широкое распространение ветеринарной и зоотехнической работы) мирили нен-

³ Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2014 г.) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 11 мая. Постановлению администрации Ненецкого автономного округа от 29.12.2001г. № 1025 (в ред. от 15 августа 2014 г.) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе» // Няръяна Вындер. 2003. 15 апр.

цев с коллективизацией. Встаёт вопрос, почему ненцы, много десятилетий проживая рядом с иноэтничным элементом, так же занимавшимся в тундрах промыслами и оленеводством, и более того привлекавших к этим занятиям ненцев в качестве работников, не заимствовали более эффективные методы хозяйствования? Экономические знания, как известно легче иных знаний и ценностей передаются от одной культуры к другой. Ненцы же, заимствуя многое у русских и коми (употребление растительной пищи, посуды, одежды), относительно легко подвергаясь некоторым внешним формам христианизации, в отношении хозяйствования сохраняли традиционные подходы. За это их обвиняли в слабой инициативности, в лени и прочих недостатках. Однако время показало, что ненцам была свойственна культурная устойчивость, которая отмечалась и у других народов, проживавших в условиях хрупкой приарктической природы, что и позволяло им выживать в экстремальных природно-климатических обстоятельствах.

Ещё в XIX веке специалисты в области оленеводства и тундрового хозяйства отмечали, что крупнотабунное оленеводство коми-зырян (так называемых ижемцев), правильно организованное в плане миграций, давало быстрый экономический эффект, но вело к уничтожению ягеля. Интенсивная охота на пушных и морских зверей, рыболовство в небольших тундровых озерах привело к сокращению популяции этой фауны. Присутствующая же у ненцев малоэффективная оленеводческая и промысловая деятельность на самом деле была подчинена оправданным, хотя и жестким природоохранным обычаям [8].

В начале XX века появились предложения «узаконить» обычное природопользовательное право ненцев. В частности, запретить перегонять стада по ягельнику, увеличив «покопытный налог», который уплачивают «вхожие» оленеводы. Таким образом действительно, удалось заставить русских и коми оленеводов сократить поголовье своих стад. Предлагалось ввести высокий штраф за убийство диких оленей, одновременно поощряя, вплоть до освобождения от покопытного налога, их приручение. Ввести, с целью восстановления фауны тундр, временный запрет охоты на некоторые виды птиц и зверей. За нарушение природоохранительных правил, по мнению авторов этих предложений, следовало ввести такой штраф, который сможет «сделать этот промысел невыгодным». Существовавшие на основании Устава 1835 года штрафы не отпугивали оленеводов и охотников из русских и коми. Они обычно не являлись в суд, а назначаемые по закону штрафы были не сравнимы с выгодами от нарушения закона. 40-рублёвый штраф «ижемец уплачивает, нисколько не думая отказываться от дальнейшего нарушения закона» [9, с. 39].

В раннесоветский период многие мероприятия, в том числе в отношении природоохранительного законодательства, опирались на критику действий предыдущего правительства. Созданный в 1918 году при Наркомате просвещения Комитет по охране природы был призван следить за охраной и правильным использованием естественных богатств республики. Усилилась в первые годы советской власти и реализация политики изгнания из тундры «пришлого элемента». Теперь она имела под собой классовую подоплеку, в частности, изгнанию подвергались только «кулаки», а «беднота» и «средняки» сохраняли захваченное когда-то их предками право заниматься промыслами и оленеводством в ненецких тундрах. В период нэпа с его экономическими приоритетами объяснения политики по изгнанию иноэтнических элементов имело объяснение, схожее с дореволюционным: именно «кулаков» с их огромными табунами обвиняли в нарушении экологического равновесия в тундре. Что касается охотников, то тех из них, кто занимался скупкой пушнины у других охотников, подозревали в оптовой продаже норвежским предпринимателям, которые, пользуясь слабой охраной границ, стали появляться у побережья Большеземельской тундры. Поэтому «классовый подход» к промысловикам опирался на защиту государственных интересов.

Начавшаяся в 1930-е годы форсированная индустриализация нарушила природоохранные планы и нанесла ущерб природе, в том числе уязвимой природе тундры. Эта проблема ещё более усугубилась с началом освоения газовых и нефтяных месторождений. Из-за движения гусеничного транспорта, которым пользовались в условиях местного бездорожья геологи, происходила деформация, нередко необратимая, тундровых грунтов. В условиях вечной мерзлоты приходилось прокладывать наземные трубопроводы, что пересекало традиционные пути миграций оленьих стад.

В 1990-е годы вновь обострилось внимание к природоохранному законодательству. Территории стали пользоваться правом издания местных законов, опирающихся на традиционное землепользование и исторический опыт населения. На территории НАО, к примеру, запрещается передвижение на транспортном средстве в непосредственной близости (менее 200 метров) от оленьего стада без разрешения главы стойбища или иного руководителя оленеводческого хозяйства⁴. Штраф предполагается и в случае превышения общей численности оленей над ёмкостью участков пастбищ, закреплённых за оленеводческими хозяйствами. Ведомственными нормативными и правовыми актами НАО устанавливается лимит добычи охотничьих ресурсов, вводятся другие ограничительные мероприятия. В статье 25

⁴ Закон Ненецкого автономного округа от 29 июня 2002 года № 366-ОЗ (в ред. от 15.06.2015) «Об административных правонарушениях» // Няръяна вындер. 2002. 19 июля.

Закона НАО «Об оленеводстве в Ненецком автономном округе» присутствует запрет на движение вездеходных транспортных средств на гусеничном и колесном ходу, а также, за редким исключением, и грузового транспорта по территориям оленьих пастбищ (в период отсутствия устойчивого снежного покрова) вне отведённых дорог⁵.

***Взаимоотношение государства с ненецким этносом
в сфере административного управления***

Главным аспектом российской этнополитики после определения правового статуса земель, занятых ненцами, являлось *выстраивание определенной системы управления*. Ограничение родового самоуправления ненцев не могло не произойти по мере их вхождения под юрисдикцию Российского государства. Иван Грозный в своей грамоте указывал о недопустимости государственным чиновникам вмешиваться в судебные дела ненцев, чем подтверждается наличие таких вмешательств в прошлом. Ненцы в плане уплаты ясака и судебной власти всегда починались территориальным властям — Мезенскому и Пустозерскому (позднее — Печорскому) ведомствам. В дореформенную эпоху ненцы подчинялись Министерству государственных имуществ (на уровне губернии — губернской Палате государственных имуществ). В пореформенный период, будучи формально причислены к крестьянству, ненцы перешли в подчинение крестьянским учреждениям в лице чиновников по крестьянским делам. Однако реализовать эту систему управления не удалось по причине трудности надзора за малочисленным и при этом постоянно передвигающимся по огромной территории населением.

Все проекты по «устройству ненцев» — а за XIX век их было несколько, — чётко делятся на две группы: согласно одним предполагалось ввести опеку над населением тундр. По другим — планировалось создать своего рода резервации, предоставив ненцам жить по собственным представлениям, а государство должно было гарантировать, что в тундры не проникнет никакого чужого влияния.

В 1833 году архангельский губернатор И.И. Огарев (как было принято в ту просвещённую эпоху, заботившийся прежде всего о «малых сих»), ссылаясь на «жалкое положение самоедов, поработанных русскими, как поселившимися в тундрах, так и наезжавшими туда для торговли, а затем заведшими значительные стада оленей, которые они приобретали от самоедов главным образом путем спаивания их спиртными напитками» [10], попросил распространить на них действие Устава об управлении инородцев в Сибирских губерниях 1822

⁵ Об оленеводстве в Ненецком автономном округе. Закон Ненецкого автономного округа от 15 марта 2002 г. N 341-ОЗ (в ред. от 26 мая 2014 г.) // Няръяна вындер. 2002. 29 марта.

года. «Устав об управлении самоедами», адаптированный для ненецкого населения, малочисленного и более регулярно, чем сибирские «инородцы» вступавшего в отношения с русским и зырянским населением, был экспериментально введен на три года в 1835 году⁶. Согласно этому документу европейские ненцы были включены в разряды «бродячих инородцев», «ловцов». Сохранялось родовое управление, которое должно было состоять из старшин (называемых старостами), избираемых «по обычаям» через каждые три года. Старосты получили широкие полномочия, включавшие в себя сбор ясака и право суда над ненцами. Они должны были транслировать распоряжения губернского начальства, имели возможность от имени своих сородичей вступать в сношения с местной полицией, подавать жалобы на притеснения. Тем не менее, положения Устава четко регламентировали систему надзора как за старостами, так и в целом за ненцами. Земской полиции вменялось в обязанность наблюдать за применением установленных правил и вести счёт населения тундр, чтобы не происходил «уход» от обложения. Ограничивая права чиновников вмешиваться в дела ненцев, предусматривались их разъезды по тундрам в целях проверки порядка управления.

По аналогии с Уставом 1822 года был создан «особый временный Комитет для собрания сведений об обычаях, по коим самоеды должны были управляться». Он должен был заниматься выявлением и записью юридических обычаев, существовавших у ненецкого народа, чтобы на их основании разработать наиболее эффективную систему управления им. Сведения поставлялись в первую очередь от священников, работавших в тундре — миссионеров, а затем и приходских. Они знали ненецкий язык, постоянно общались с ненцами, поэтому могли предоставить такие сведения. Под председательством гражданского губернатора эти обычаи должны были рассматриваться с точки зрения «смягчения в них всего дикого и жестокого», затем опубликоваться и «приниматься присутственными местами в суждениях по делам самоедов». В 1837 году все собранные сведения были сведены в единый документ — «особые правила, относительно суда и расправы, основанные на обычаях самоедов и составляющий как бы сборник из юридических обычаев»⁷ — «проект законов самоедских, извлеченных из обычаев самоедов, обитающих в Мезенском уезде» [7]. Конфликты, возникающие в среде ненцев, предлагалось решать по нормам их «обычного права», а между ними и представителями других групп населения (например, русскими) — по существующим в государстве законам⁸. Эти «законы самоедские», представленные в Министерство внутрен-

⁶ Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии. Высочайше утвержденный 18 апреля 1835 года // Полное собрание Российской Империи — 2. Т. X. № 8071

⁷ ГААО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 5. Л. 63

⁸ Подобный подход присутствует и в настоящее время. Современная правовая система России официально при-

них дел в 1837 году, было рекомендовано напечатать и на ненецком языке, что сделать не удалось, из-за отсутствия соответствующих «самоедской азбуке» типографских литер. Решено было «Устав об управлении самоедами» и «Положение о разборе исков» перевести на ненецкий язык, но не публиковать (поскольку среди ненецкого населения грамотных не было), а объяснять им через священников. Это, кстати, способствовало бы повышению авторитета церкви, возникновению доверительных отношений между прихожанами и настоятелем, а в конечном счёте — постепенной модернизации ненцев, их включению в общегосударственную жизнь. На протяжении последующих 50-ти лет Устав, который в силу ряда причин так и не заработал (большинство ненцев даже не знали о своих правах и обязанностях), неоднократно корректировался в соответствии с меняющимися условиями.

Внедрение элементов самоуправления в некоторой степени облегчало управление тундровым населением, что можно расценивать как формирование политики «мягкого» патернализма. Одним из инструментов было осуществление судопроизводства по «обычному праву». При реализации судебной реформы 1864 года на территории Архангельской губернии из ведомства вновь учреждаемых судебных институтов изымались некоторые категории уголовных и гражданских дел, возникающих у самоедов. Осуществлять правосудие по таким делам должны были их собственные суды (словесная расправа) на основании заведенных обычаев⁹. Одновременно с этим Министерство юстиции просило местные власти в лице Архангельского губернского прокурора и председателя Палаты уголовного и гражданского суда обсудить вопрос о приемлемости оставление в будущем такой меры в отношении самоедов¹⁰.

Опираясь на соображения архангельского губернатора А.П. Энгельгардта, чиновники составили свои «соображения» с учётом того, что подобные «особые правила» «имели смысл в то время, когда самоеды нуждались» в них, а теперь следовало бы подчинить самоедов в отношении суда действию общих законов», уравнивая их и в этом отношении с остальными крестьянами¹¹. По мнению А.П. Энгельгардта, осуществление судопроизводства среди ненцев чиновниками лучше, чем своими полуграмотными старшинами.

знает традиции и обычаи как весомый аргумент при регулировании как публичных, так и частных отношений с участием малочисленных народов. ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999) напрямую указывает, что при рассмотрении в судах дел, в которых лица, относящиеся к малочисленным народам, выступают в качестве истцов, ответчиков, потерпевших или обвиняемых, могут приниматься во внимание традиции и обычаи этих народов, не противоречащие федеральным законам и законам субъектов Российской Федерации.

⁹ Временные правила об устройстве судебной части и о порядке производства судебных дел в Архангельской губернии // Полное собрание Российской Империи – 2. Т. XVI. № 12483

¹⁰ ГААО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 5. Л. 63

¹¹ ГААО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 5. Л. 63 об. 64

В определённой степени, в советский период новые власти прошли, только более ускоренно, всего за 6—7 лет, все этапы решения «самоедского вопроса», с которым не справилась царская администрация. В северных губерниях, где имелись коренные малочисленные народы, были созданы Комитеты содействия народам северных окраин (Комитеты Севера). Вопросы самоуправления ненцев решались через «тундровые исполкомы». Происходило привлечение к обучению толковой молодёжи и приобщение её к новым идеологическим ценностям. Оказывалась помощь в развитии традиционного хозяйства и модернизация быта ненцев. Как и до революции — присутствовало стремление «защитить» «туземцев», чаще всего путём назначения «врага». Опять актуализировался поиск простого решения «самоедского вопроса» — освобождение тундры от пришельцев, пусть и более культурных. Были изгнаны самые богатые и предприимчивые зыряне-оленоводы; начались экономические ограничения для русских промышленников.

В 1926 году был принят Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», прописывавший основные принципы их самоуправления. Предполагалось, что за каждой народностью будет закреплена особая территория, необходимая для его хозяйственного развития, для чего готовился «Кодекс трудового землепользования» для северных окраин, который бы не противоречил ни советским законам, ни обычному праву «туземцев». «Туземным исполкомам» предполагалось предоставить законные возможности оградиться от вторжения пришельцев [11, с. 44, 45]. Эти социальные эксперименты были остановлены «железной рукой», включившей обитателей тундры во все формы форсированного строительства социализма: индустриализацию, коллективизацию, культурную революцию. На негативные последствия этой политики, в отличие от предыдущих десятилетий, внимания уже не обращали. Но и эта «модернизация», в целом, можно сказать, провалилась, её энергетика довольно быстро ослабела, успехи оказались в большей степени показными¹².

На современном этапе государство в некоторой степени аккумулировало опыт предыдущих эпох. Существует обширное законодательство, касающееся коренных малочисленных народов. Основополагающим следует считать Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Он устанавливает правовые основы гарантий их самобытного социально-экономического и

¹² В связи с расширением нефтегазовой добычи в НАО процент коренного населения стал резко сокращаться. Для осуществления элементов самоуправления, для мероприятий по «решению проблем социально-экономической жизни ненецкого народа, содействию росту его национального самосознания, сохранению культуры и традиционного образа жизни» в НАО в 1989 году была создана Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй».

культурного развития, защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов¹³. Поиск оптимальных моделей государственного и общественного устройства продолжается [1, с. 106]. Проявляется явное стремление включиться в общемировую тенденцию по решению проблем малочисленных коренных народов, сохраняя при этом максимальный государственный контроль над территориями, богатыми природными ресурсами общенационального значения.

Важным направлением государственной этнополитики в сфере управления явилась попытка **создания системы льгот**, которые должны были обеспечить особые условия для коренного населения. Такие льготы не были подарком как таковым. Прагматизм присутствовал во всём. Важнейшей льготой для кочевого населения было освобождение от воинской службы. При этом, если для живущих оседло «инородцев» такая льгота предоставлялась, как правило, в обмен на принятие христианства¹⁴. Ненцам такого условия не ставилось.

Освобождение от рекрутской службы было вполне объяснимо прагматическими интересами государства, поскольку с 5—6 тысяч населения (из которых, допустим, половина «мужские души») можно было взять от силы десятков рекрутов. Затраты на их поиск, транспортировку для медицинского освидетельствования, а затем на обучение русскому языку и некоторым необходимым для солдата навыкам были в данном случае необоснованными¹⁵. Согласно Уставу об управлении самоедами 1835 года, ненцы были полностью освобождены «от рекрутской повинности натурою и деньгами». После введения всеобщей воинской повинности, согласно соответствующему указу, от неё было освобождено инородческое население ряда губерний и областей, «равно и самоеды, обитающие в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии». Такая льгота для отдельных народностей объяснялось тем, что они якобы по своей «некультурности» совершенно не годились для привлечения в войска. Тем более, что среди ненцев с их отмечаемой всеми низкорослостью сложно было найти потенциальных призывников, которые были бы выше определенной для призыва нормы — 2 аршина и 2 ½ вершка (153,5 см). В 1880-е годы «инородцы — самоеды Мезенского уезда» могли привлекаться к отбыванию всеобщей воинской повинности на основании особых положений, чего, впрочем, даже во время Первой мировой войны не практиковалось. Из записей о поездке в

¹³ Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" // Российская газета. 1999. 12 мая

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 378 (Комиссия для разработки положения о личной воинской повинности) 1862—1872 гг. Д. 2, ч. 11.

¹⁵ Судя по всему, ненцы могли поступить в рекруты добровольно. Такой случай описывает А. Кастрен: в Пустозерске ему удалось познакомиться с «далеко известным своими похождениями самоедом», который «однажды, напившись, записался в рекруты, но был отпущен по болезни и неспособности к военной службе» [12, с. 155]

Канинскую тундру профессора Н.Ю. Зографа (зоолога и специалиста в области этнической антропологии), можно предположить, что отношение ненцев к освобождению от воинской службы было разным [13, с. 7, 8]. В советское время освобождение ненцев от воинской службы первоначально было подтверждено. С 1939 года ненцев стали брать в армию, что как бы демонстрировало отказ от признания унижающей их исключительности.

Вторая льгота касалась освобождения от подушной подати, вместо которой уплачивалась индивидуальная «луковая подать». Такой ясак развёрстывался на мужчин от 17 до 60 лет. В случае неспособности по состоянию здоровья заниматься промыслами мужчина от этой обязанности освобождался. Списки на уплату ясака составлялись старостами. Других форм контроля (метрических книг, переписей) в тундре либо не было, либо получение таких сведений было затруднительным. Другие повинности были для ненцев не слишком обременительны. Даже в XVIII веке, по словам этнографа И.Г. Георги, кроме уплаты ясака, ненцы не имели никаких других «доказательств своего подданства» [14, с. 6]. Пожалуй, единственной их повинностью было предоставление транспорта для чиновников, крайне редко объезжавших тундры. В 1925 году туземное население (в том числе ненцы) было освобождено от всех прямых налогов. Было запрещено также взимать с них недоимки, а накопившиеся долги списывались. Нуждающиеся получали безвозмездные и долгосрочные ссуды, в первую очередь продовольственную (хлебную)¹⁶. В 1930-е годы, как и в случае с воинской повинностью, подобные льготы были отменены.

В настоящее время некоторые мероприятия в отношении социальной поддержки ненцев сохраняются. Представители коренных малочисленных народов, занимающиеся традиционными видами деятельности, имеют право выходить на льготную пенсию. Доходы, получаемые от реализации продукции традиционных видов промысла членами зарегистрированных в установленном порядке родовых, семейных общин малочисленных народов Севера, не подлежат налогообложению¹⁷. Законом НАО оленеводам и «чумработницам» (жёнам оленеводов, ведущим хозяйство) гарантируется ряд мер социальной поддержки: это разовые и ежемесячные социальные выплаты, предоставление «средствами гигиены», обеспечение муниципальным жильем (на основе социального найма)¹⁸.

¹⁶ Итоги работы двух лет (с 1.10.1926 по 1.10.1928 гг./ Отчет Архангельского губисполкома XIII Архангельскому губернскому съезду советов. Архангельск, 1929.

¹⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Российская газета. 1998. 6 авг.

¹⁸ Об оленеводстве в Ненецком автономном округе. Закон Ненецкого автономного округа от 15 марта 2002 г. N 341-ОЗ (в ред. от 26 мая 2014 г.) // Няръяна вындер. 2002. 29 марта.

Законодательство в отношении уголовных преступлений против имущества и бытовых преступлений в дореволюционный период опиралось на традиции обычного права. Предполагалось, что по мере «смягчения нравов» ненцы будут все более и более подчиняться государственным правовым нормам. С конца XVIII века, когда начали разрабатываться особые правила по управлениям территориями, заселенными «инородцами», приступили к изучению их юридических обычаев. Каждому губернатору, на территории управления которого проживали инородцы, вменялось в обязанность создать специальную комиссию для описания традиционных юридических обычаев, с тем, чтобы сохранить их, убрав «самое дикое и жестокое»¹⁹. «Смягчение нравов», на что в первую очередь была направлена политика по «окультуриванию» ненцев, действительно произошло. По свидетельствам путешественников, «самояди отважнее, дичее других народов, [но] привыкших жить с русскими, ...ни к воровству, ни к убийствам, ни к мщению не склонны» [14, с. 5] и «ссор с жестокими драками и смертоубийств по тундре весьма редко между собой имеют» [15, с. 44].

Изучение очерков путешественников и этнографических изысканий показывает, что некоторые преступления, являясь таковыми в глазах «цивилизованного человека», в действительности были связаны с традициями «моральной» экономики, которой признавалось право общества в целом и отдельных его членов на получение вспомоществования. Кажущаяся распространённость кражи оленей у ненцев (которая фиксировалась до начала XX века, но постепенно сходила на нет под действием экспансии государственного законодательства) могла быть отражением распространённого обычая давать бедным соплеменникам оленей «на подмогу». Они пасли стадо, кормились от него, беря за труды часть приплода, а остальные возвращали хозяину. Богатые ненцы признавали такой обычай, поскольку их стада вытапывали тундру, являвшуюся общинным достоянием. По мере имущественной дифференциации и проникновения в тундру новых представлений такие обязательства стали нарушаться: богатый ненец считал себя в праве отказать бедному сородичу в подобной помощи. И тогда, опираясь на традицию, тот угонял у богача несколько оленей. Общественное мнение оправдывало его поступок, поскольку богатый человек не должен позволять бедному страдать от голода. За некоторые преступления против личности (оскорбление) и моральные преступления (например, соблазнение жены) с виновного взимался штраф оленями: обиженный подходил и забирал одного или двух оленей из упряжки. Главное, не оставить человека в тундре вообще без оленей, что было равносильно убийству.

¹⁹ Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии. Высочайше утвержденный 18 апреля 1835 года // Полное собрание Российской Империи – 2. Т. X. № 8071.

По мере проникновения в тундру государственных норм права (сначала для разбора дел между ненцами и не ненцами — русскими или коми, а затем и внутриобщинных конфликтов) некоторые богатые люди, которые при господстве подобных правовых норм чаще всего оказывались обделенными, начали апеллировать к суду, не желая в ряде случаев признавать нормы обычного права. Такая культурная модернизация подтолкнула процессы включения ненцев в общегосударственное правовое пространство, что в целом и завершено к настоящему времени. Несмотря на разную идеологию государственной этнополитики: потребительское отношение к коренному населению доимперского и раннеимперского периода, «мягкий» патернализм конца XVIII — начала XX века, стремление преодолеть пропасть, отделяющую «коренные» народы от цивилизации, в советское время, можно обнаружить общие подходы к решению проблемы создания *общего правового пространства*. Это законодательное обеспечение отношений между коренными народами и государством, между ними и иноэтничными соседями, а также прибывающими на эти территории мигрантами.

Опыт социальной и культурной модернизации ненецкого населения

Наиболее лёгким способом «цивилизовать» ненцев, перевести их в разряд крестьян и соответствующим образом регулировать их экономический и общественный быт, представлялось переведение их к оседлому образу жизни. Один из первых инициаторов природоохранных мероприятий в тундре А.В. Журавский выступил и с проектом законов, направленным на сохранение традиционного жизненного уклада ненцев. Среди прочего, рекомендовалось оказывать всяческое содействие к мягкому переходу кочевых народов к оседлости. Для этого учредить (опираясь на опыт Дании в отношении гренландских эскимосов) центральный казённый магазин по приёму продуктов промыслов по фиксированным ценам; выявить признаваемые ненцами центры (самоедские волости) и устроить в них государственную сберегательную кассу, аптеку, почтово-телеграфное отделение, школу — обязательно с опытным полем для подготовки учеников к оседлой жизни. Привлекательность таких центров опиралась отнюдь не на церковь, а на торговые предприятия: «Централизация полярных инородцев около магазинов вызовет оседлость» [8, с. 25]. Для этого предлагалось четко определить перечень товаров, которые ненцам действительно необходимы (грубое сукно на совики, продовольственные запасы, припасы и снаряды для охоты и рыбной ловли, инструменты), а не «безделушки», до которых ненцы, по свидетельствам путешественников, были падки и могли потратить на них все полученные от реализации своей продукции деньги [8, с. 26].

Постоянно говорилось о запрете водочной торговли в тундре. В Уставе 1835 года она была строго запрещена всем, кроме самих ненцев. Вместе с тем, торговля спиртными напит-

ками была слишком выгодна, чтобы от неё отказаться. Началась она с 1748 года, когда сбор ясака стал отдаваться на откуп, а чтобы откупщиков заинтересовать, им было разрешено реализовывать среди ненцев казенное вино. Пристрастившись к спиртному, ненцы отказывались даже разговаривать об обменных операциях, пока их не угостят «чаркой». Став добрыми и покладистыми после выпитого вина, они готовы были сделать большие уступки продавцам. Предположительно, таким образом коми-торговцы получили в свои руки ненецкие стада, а русские промышленники — право на промысловые угодья в тундре.

Показательным является судебное дело, инициированное в 1867 году ненцами по выселению из тундры мезенских мещан и крестьян, которые их «притесняли». Поскольку русские не имели подтверждающих документов на право жить и промыслять в тундре, суд постановил об их выселении. Однако ненецкое общество внезапно изменило своё мнение, предоставив приговор своего схода, что «мы с их семействами в нашу тундру... принять желаем и дозволяем им пользоваться сенокосами... наравне с прочими жителями, равно так же производить разные промыслы в реке Пеше и озерах»²⁰. Можно предположить, что такой приговор был принят после щедрого «угощения».

Попытки реализовать программу перевода ненцев к оседлой жизни имела несколько положительных примеров, связанных прежде всего с христианизацией. Результатом деятельности миссионеров, с той или иной степенью активности работавших в ненецкой тундре с 1820-х годов, стало появление нескольких поселений, в которых крещёные ненцы приучились жить оседло. Одна из таких деревень, Кожва в верховьях реки Печоры, была в 1890-е годы «вполне благоустроенной», в ней функционировали церковь и школа, имелось 38 домов и 230 жителей, которые занимались промыслами и скотоводством, а также сеяли ячмень. Жители остальных ненецких поселений занимались либо промыслами, либо сельским хозяйством, при этом последние «жили значительно зажиточнее» [5, с. 228—239, А.П. Энгельгардт]. Такое же впечатление произвели оседлые ненцы с. Колва на Н.Е. Ермилова: «народ общительный, разговорчивый и веселый, внутренность помещений отличается сравнительной чистотой и аккуратностью, а сами они зажиточные — на 30 дворов 30 лошадей и 100 коров. Один самоед, Николай Ханирин, обладает даже стадом [оленей] в две тысячи голов. Занимаются теми же промыслами, как и все печорские жители» [16, с. 70—72].

²⁰ ГААО. Ф. 71 (Архангельской губернской по крестьянским делам присутствие). Оп. 1, т. 1. Д. 161. Л. 26. По ходатайству самоедов Тиманской тундры о запрещении крестьянам и самоедам Запечорского края пасти оленей и производить промыслы в Тиманской тундре, а оседло поселившихся там крестьян и мещан выселить из тундры. 1867—1868 гг.

Второй эксперимент по изменению образа жизни ненцев начался в 1870-е годы переселением нескольких семейств на Новую Землю. В последующие десятилетия ненецкая колония там продолжала расширяться. Этот проект преследовал две цели: обеспечить пригляд за только что построенной спасательной станцией в становище Малые Кармакулы и начать экономическое освоение архипелага, пока этим не занялись норвежцы. Переселенцы занимались промыслами, жили в русских домах (не сразу они к этому привыкли). Здесь были устроены школа и церковь (некрещённых ненцев обращали в христианство в Архангельске в ожидании отправки на Новую Землю). Приходящим сюда пароходам запрещено было продавать ненцам спиртное и скупать их продукцию. Все торговые операции делались централизованно, губернскими чиновниками. Доходы шли на приобретение по заказам новоземельских ненцев различных товаров, часть денег откладывалась на их счетах в банке. Из отчислений от доходов формировался запасный капитал, который направлялся на организацию переселений на Новую Землю новых колонистов и оказание им первоначальной помощи. А.П. Энгельгардт нашел этот опыт удачным: «Прежняя эксплуатация самоедов совершенно прекращена» [5, с. 162]. При этом Энгельгардт, будучи противником всяческого патернализма, для Новой Земли объяснял его необходимость удалённостью и отсутствием у новоселов традиций жизнеобеспечения в местных условиях.

За исключением этих нескольких примеров перевод ненцев на оседлость не удавался. По словам посетившего тундру в 1831 году доктора Белявского, ненцы «хотя и видят преимущества жизни русского народа, но привязаны к своим обычновениям и образу жизни» [17, с. 164—165]. И все увеличивавшийся в последние десятилетия XIX века переход ненцев к оседлости был вызван не возможностями более обеспеченной и культурной жизни, а напротив — обнищанием; такие оседлые ненцы «кормились» возле русских поселений, устраиваясь работниками или нищенствуя.

В советское время, оттолкнувшись от неудач царского правительства в решении «самоедского вопроса», которые всячески акцентировали в пропагандистских целях, фактически реализовывалась программа, разработанная именно до революции. В каждой из трёх ненецких тундр были созданы «тундровые волисполкомы», которые должны были решать различные вопросы, входившие прежде в ведение тундровых старшин. «Государственная торговля», получившая возможность совершать обменные операции в тундре в период нэпа, находилась в руках старых «спецов», в основном тех, кто до революции занимался реализацией в тундрах

спиртных напитков. Несмотря на запрет, подобная практика продолжала развиваться²¹. Проводилась кампания по устранению «торгашеских уклонов госорганов» и очищению «всех заготовщиков от старого кулацкого элемента» [ГААО. Ф. 760. Оп.1. Д.5. Л. 821]. Архангельский губернский Комитет Севера²² смог добиться запрета «государственной торговли» в тундре и передать её в руки кооперативов, которые должны были снабжать ненцев всем необходимым, реализовывать продукты их промыслов, распределять выделяемые губернией ссуды «по классовому принципу». Прежние «оброчные статьи» (право на производства промыслов и проч.) стали экономическим оружием в руках советских органов: их предоставляли только членам так называемых «тундровых комитетов крестьянской взаимопомощи» (ТККВ), которые уплачивали достаточно высокие взносы, направляемые на материальное вспомоществование беднейшим ненцам. На доходы тундровых ККВ и кооперативов в сёлах устраивались школы и культурные учреждения, «Дома самоеда» (общежития для приезжавших в сёла ненцев, в которых было организовано питание, просветительская работа и проч.). Медицинская помощь ненцам финансировалась государством. Направлялись специальные медицинские и ветеринарные отряды, которые должны были оказывать бесплатные услуги кочевому населению. Силами местных комсомольцев и коммунистов осуществлялся контроль, чтобы врачи и ветеринары выполняли свои функции, а не «отсиживались» в русских деревнях. Постепенно оседлость и полуоседлость для ненецкого населения была достигнута, в определённой степени благодаря школьному образованию.

Главной опорой культурной, социальной, экономической модернизации ненцев была молодёжь. Использование социальной мобильности для извлечения части молодёжи из традиционного ненецкого социума, прививка им через образование новых культурных ценностей и дальнейшее использование их в качестве модераторов для более широкого распространения этих ценностей осуществлялось достаточно давно [18, с. 2]. Впоследствии, когда в тундре появились церкви, некоторым священникам удалось привлечь ненецкую молодёжь для помощи при церковных службах. Путешественники с умилением описывали церковный хор, состоящий из «певчих в малицах». Однако, несмотря на некоторые усилия, школьное образование среди ненцев привить не удавалось. «Однодневная школьная перепись», проведённая в 1911 году, выявила всего пять ненцев-школьников.

²¹ ГААО. Отдел документов социально-политической истории (*Далее — ГААО. ОДСПИ*). Ф. 1141. Мезенский уездный комитет. Оп. 1. Д. 1а. Протоколы заседаний Канино-Чешского самоедского волостного комитета...

²² Комитет содействия малым народностям Севера при Президиуме ВЦИК был создан в 1924 г. В губерниях, где проживали «малые народности», были созданы местные (губернские) «комитеты», которые для краткости назывались «комитетами Севера». Упразднены в 1935 г.

В советское время был пройден примерно тот же путь. Приоритет был отдан культурным преобразованиям. Для решения основной задачи — подготовки национальных кадров советских работников — в 1925 году был создан «Северный факультет» при Ленинградском университете (впоследствии Институт народов Севера). В 1920-е годы циркулярно рассылались требования по направлению ненцев для обучения в различные средние и высшие учебные заведения. Такие разнарядки выполнялись с большим трудом. Поэтому остановились на необходимости сначала обеспечить обязательность школьного образования, для чего потребовалось создать ненецкую грамоту и подготовить учителей из ненцев (в 1929 году было организовано подготовительное отделение при Архангельском педагогическом техникуме). Особенно активно пытались включить в новые социальные отношения женщин. Считалось, что через неё как «хозяйку чума» легче будет осуществлять мероприятия по санитарно-гигиеническому и медицинскому просвещению ненцев, по распространению среди них новых форм быта.

Ещё до революции отмечалось, что добиться положительных результатов в деле школьного обучения ненцев можно только при условии наличия интернатного проживания [19, с. 45]. В советское время эта задумка была полностью реализована. На низовом уровне интенсивно создавались школы-интернаты, в которые детей помещали, нередко насильно отрывая от семьи; в школах осуществлялось базовое шестилетнее образование на родном языке. При этом положительным был только эффект от отрыва детей с помощью такого социального лифта, как школьное образование, от традиций своего народа, к нарушению механизма межпоколенной передачи опыта. Как в любом случае маргинализации, это привело к большому количеству девиаций, прежде в ненецкой среде не отмечавшихся. Анализируя последствия «советских экспериментов» в области прежде всего образования, этнолог А.В. Головнев говорит о «похищенных поколениях», во многом утративших элементарные навыки жизнедеятельности (ориентирования на местности, выбора и освоения промысловых угодий, содержания домашних животных и др.) Школьное образование привело к более позднему достижению ненцами фактической дееспособности — не в 14—15 лет, как прежде, а в 18—20 [20, с. 94—95].

Опыт различных мероприятий по включению ненцев в общегосударственную жизнь и признаваемую цивилизацию позволяет с большой долей вероятности утверждать, что в качестве основного оружия использовалась идеология. В дореволюционный период это была христианизация и патерналистские подходы к решению абсолютно всех вопросов, волновавших ненцев. В советский период — критика позднеимперской политики в отношении ко-

ренных малочисленных народов; классовый подход и фактически принудительная социальная и имущественная дифференциация ненцев; формирование «образа врага» (на начальном этапе не столько из своих «кулаков» и «богачей», сколько из русских и коми, а в 1930-е годы выявление уже внутренних врагов); мероприятия по разрыву межпоколенных связей и деформации традиционных гендерных и возрастных ролей.

Идеологическое вмешательство касалось и семейно-брачных отношений. Область частной жизни была закрыта для государства, но не полностью. Принятие ненцами христианства предполагало обязательные таинства — венчание и крещение. Однако для ненцев как кочевников делалось исключение: оба эти таинства могли происходить спустя нередко долгое время после свершившегося факта. Венчать брак и крестить новорожденных допускалось, когда семья оказывалась в непосредственной близости от церкви. То же касается и отпевания. Ненцы хоронили своих умерших по старым традициям, но стремились привезти в церковь горсть земли с могилы, чтобы потом вернуть её обратно.

Христианизация была направлена также на «смягчение нравов» ненцев, которые европейцам казались «дикими». В частности, почти всеми наблюдателями отмечалось приниженное и крайне тяжёлое положение ненецкой женщины. Пожалуй, один Ф. Белявский увидел в существующих внутрисемейных отношениях положительный момент. По его словам, «женщины так много ими уважаются, что по смерти мужа брат покойного обязан взять жену его... Женщины совершенно обеспечены на всю жизнь. О них пекутся от рождения до кончины» [17, с. 160—161]. Таким образом, в обычае левирата он видел защищённость ненецкой женщины. Другие наблюдатели указывали на то, что наследуемые вдовой промысловые угодья не желали упускать из своей семьи.

По переписи 1897 года, более 20% семей в Тиманской и Канинской тундрах представляли собой незаконное сожителство. Возможно, это связано с тем, что из-за удалённости от церкви ненцы не венчали свои браки или венчали их через несколько лет совместной жизни. Со стороны это могло восприниматься как нравственная распущенность. То же касалось и многочисленных свидетельств наблюдателей о распространённости среди ненцев бросать своих жён: «браки у них уничтожаются очень легко» [14, с. 10]; «когда... жена опротивеет им, они сейчас возвращают её родителям, у которых они купили её, лишаясь только данной за нее платы, и родители обязаны взять её себе назад» [21, с. 34]. Такие оценки стали, скорее всего, результатом убеждения, что без христианства процветают дикие нравы. Более доброжелательно настроенные к ненецкой культуре путешественники отмечали, что при вольности добрачных нравов ненецкая семья крепкая. Разводы допускались в случае бездетности

одного из супругов, неспособности к хозяйственной деятельности. По мнению этнолога А.В. Головнева, столь лёгкие возможности семейных трансформаций были связаны со «способом социального маневрирования кочевников, привыкших беречь ценный семейный потенциал (наследовать вдове родича) и решительно избавляться от помех (расторгать неудачное партнерство)» [22, с. 43].

Экономической ценностью любого брачного союза можно объяснить распространённость неравных браков, когда «малолетних ребят женят на совершеннолетних девках, а малолетних девок выдают за взрослых мужчин» [23, с. 223, 249]. Ю.И. Кушелевский также отмечал существующий у ненцев обычай «женить малолетних сыновей своих 8 и 9 лет на взрослых девицах» [24, с.100,101], причиной чему была необходимость получить в семью лишние женские руки. Заключать брак между детьми было принято и у крещёных ненцев. Такие супруги, проживая вместе, в брачные отношения могли вступать только по достижению совершеннолетия. По обычному праву ненцев добрачные связи не считались преступлением. Если же соблазнили жену «малолетнего» мужа, то право мстить обидчику имел её отец. В случае супружеской измены муж мог по своему усмотрению оштрафовать любовника жены, забрав у него одного или двух оленей.

Контроль со стороны церкви, затем — органов советской власти поспособствовали заключению браков между сверстниками, при этом достигшими половой зрелости. Не допускалось многоженство. В понимании носителей модернизированной культуры «женское равноправие» при ведении кочевого хозяйства невозможно. Однако женщина, жена оленевода получила в советской практике полуофициальный статус «чумработницы»; занятие ею домашней работой было приравнено к трудовой деятельности.

Заключение

Поставив целью включить ненцев в своё правовое пространство, Российское государство, какую бы историческую форму оно не имело, стремилось достичь её постепенно, ненасильственными методами, путем «смягчения нравов» носителей традиционной культуры в соответствии с требованиями европейской цивилизации. Вместе с тем, положительный как будто бы итог — своего рода «двухкультурие» ненцев, относительно комфортное пребывание их в двух цивилизациях — традиционной и модернизированной (русской), создало ряд негативных последствий, всегда вызываемых подобной маргинализацией. Эта проблема имеет глобальный характер и не является темой настоящей статьи.

Исследование исторического опыта реализации различных моделей этнополитики в отношении конкретного этноса (ненцев) ставит вопрос их культурной устойчивости, которая

всегда сочеталась со способностью и готовностью к переменам [20, с. 576]. Долгое время глубоко этнографическое изучение ненцев опиралось на модернизационную парадигму, согласно которой все стороны жизни этого народа демонстрируют их промежуточное положение на пути «от варварства к цивилизации». Вместе с тем, устойчивое экосоциальное развитие ненцев по-казывает положительные результаты, особенно на фоне других малых народов (не кочевых), а также, с учетом экологических вызовов современному миру.

Изучение обычаев ненцев, предпринятое с целью их «мягкого» включения в государственное пространство, уже в первые десятилетия XIX века оказало влияние на отношение власти к природоохранным мероприятиям. Рассматривая конфликты ненцев с коми-оленеводами, с русскими промысловиками, чиновники обращали внимание на хрупкость природы приарктических территорий, понимали обоснованность требования ненцев соблюдать выработанные у них веками законы природопользования, которые помогли им существовать в экстремальных природно-климатических условиях. Под влиянием экологической культуры ненцев, построенной на системе жестких запретов, развилось понимание, что кажущиеся неисчислимы природные богатства Севера не бесконечны. Такие факты исторически подтверждают правомерность паритетных (субъект-субъектных) отношений и взаимных уступок при разработке государственной и региональной этносоциальной политики.

Литература

1. Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.
2. Ефименко А.Я. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. СПб, 1877.
3. Иславин В.А. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб, 1847.
4. [Голицын Н.Д.] Записка архангельского губернатора действительного статского советника князя Н.Д. Голицына по обозрению Печорского края летом 1887 года. Архангельск, 1888.
5. Энгельгардт А.П. Русский Север: путевые записки. СПб, 1897.
6. Керцелли С.В. Архангельские тундры // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 23, 24
7. Голубцов Н. Вопрос об управлении Самоедами Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 3. С. 49—60.
8. Журавский А.В. Самоедское право. Материалы для законодательных предположений. Архангельск, 1908. № 198, 200.
9. Танфильев Г.И. По тундрам тиманских самоедов летом 1892 года. Читано в общем собрании И.Р.Г.О. 13 октября 1893 г. СПб, 1894.
10. Голубцов Н. Вопрос об управлении Самоедами Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 8-9. С. 19—23.

11. Леонов Н. Север на стройке. Советское строительство среди малых народностей северных окраин. М: Власть Советов (изд-во при президиуме ВЦИК), 1930.
12. Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1842, 1845—1849) // Магазин земледелия и путешествий: географический сборник. Том VI: Собрание старых и новых путешествий. Ч. III. М., 1860.
13. Зограф Н.Ю. Поездка к самоедам. (По поручению Комитета Антропологической выставки 1879 г.) М., 1877.
14. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. 4 т. Ч. 3. О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских, как и о Шаманском законе. СПб, 1799.
15. Молчанов С.К. Описание Архангельской губернии. Часть 1. СПб, 1813.
16. Ермилов Н.Е. Поездка на Печору: Путевые заметки. Архангельск, 1888.
17. Белявский Ф.И. Поездка к Ледовитому морю. Москва, 1833.
18. Шульгин В.А. Исторические сведения о просвещении христианством самоедов Архангельской епархии. [Архангельск, 1897].
19. Козмин Н. Архангельские самоеды (Очерк их быта и верований). Издание училищного Совета при Св. Синоде. СПб, 1913.
20. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
21. Бруин К., де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989.
22. Головнев А.В. Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.
23. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского [в 1772 году]. Ч. IV. СПб, 1805.
24. Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ялмал: Путевые записки, веденные во время экспедиций 1862, 1863 и 1864 г., предпринятых для открытия сухопутного и водяного сообщения на севере Сибири от реки Енисея через Уральский хребет до р. Печоры Ю.И. Кушелевским. СПб, 1868.

References

1. Kryazhkov V.A. Korennye malochislennyye narody Severa v rossijskom prave. M.: Norma, 2010. 560 s.
2. Efimenko A.Ya. Narodnye yuridicheskie obychai loparej, korelov i samoedov Arkhangelskoj gubernii. SPb, 1877.
3. Islavin V.A. Samoedy v domashnem i obshhestvennom bytu. SPb, 1847.
4. [Golicyn N.D.] Zapiska arkhangel'skogo gubernatora dejstvitelnogo statskogo sovetnika knyazya N.D. Golicyna po obozreniyu Pechorskogo kraja letom 1887 goda. Arkhangelsk, 1888.
5. Engelgardt A.P. Russkij Sever: putevye zapiski. SPb, 1897.
6. Kercelli S.V. Arkhangelskie tundry // Izvestiya Arkhangelskogo obshhestva izucheniya Russkogo Severa. 1910. № 23, 24
7. Golubcov N. Vopros ob upravlenii Samoedami Arkhangelskoj gubernii // Izvestiya Arkhangelskogo obshhestva izucheniya Russkogo Severa. 1909. № 3. S. 49—60.

8. Zhuravskij A.V. Samoedskoe pravo. Materialy dlya zakonodatelnyx predpolozhenij. Arkhangelsk, 1908. № 198, 200.
9. Tanfilev G.I. Po tundram timanskix samoedov letom 1892 goda. Chitano v obshhem sobranii I.R.G.O. 13 oktyabrya 1893 g. SPb, 1894.
10. Golubcov N. Vopros ob upravlenii Samoedami Arkhangel'skoj gubernii // Izvestiya Arkhangel'skogo obshhestva izucheniya Russkogo Severa. 1909. № 8-9. S. 19—23.
11. Leonov N. Sever na strojke. Sovetskoe stroitel'stvo sredi malyx narodnostej severnyh okrain. M: Vlast Sovetov (izd-vo pri prezidiume VCIK), 1930.
12. Kastren M.A. Puteshestvie Aleksandra Kastrena po Laplandii, severnoj Rossii i Sibiri (1838—1842, 1845—1849) // Magazin zemledeliya i puteshestvij: geograficheskij sbornik. Tom VI: Sobranie staryh i novyh puteshestvij. Ch. III. M., 1860.
13. Zograf N.Yu. Poezdka k samoedam. (Po porucheniyu Komiteta Antropologicheskoy vystavki 1879 g.) M., 1877.
14. Georgi I. G. Opisanie vseh obitayushhix v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskix obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugix dostopamyatnostej. 4 t. Ch. 3. O narodax samoed'skix, manchzhurskix i vostochnyx sibirskix, kak i o Shamanskom zakone. SPb, 1799.
15. Molchanov S.K. Opisanie Arxangel'skoj gubernii. Chast 1. SPb, 1813.
16. Ermilov N.E. Poezdka na Pechoru: Putevye zametki. Arkhangelsk, 1888.
17. Belyavskij F.I. Poezdka k Ledovitomu moryu. Moskva, 1833.
18. Shulgin V.A. Istoricheskie svedeniya o prosveshhenii khristianstvom samoedov Arkhangel'skoj eparxii. [Arxangel'sk, 1897].
19. Kozmin N. Arxangel'skie samoedy (Ocherk ih byta i verovanij). Izdanie uchilishhnogo Soveta pri Sv. Sinode. SPb, 1913.
20. Golovnev A.V. Govoryashhie kultury. Tradicii samodijcev i ugrov. Ekaterinburg, 1995.
21. Bruin K., de. Puteshestviya v Moskoviyu // Rossiya XVIII v. glazami inostrancev. L.: Lenizdat, 1989.
22. Golovnev A.V. Kochevniki tundry. Nency i ih folklor. Ekaterinburg, 2004.
23. Lepexin I.I. Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii Nauk adyunkta Ivana Lepehina po raznym provinciyam Rossijskogo [v 1772 godu]. Ch. IV. SPb, 1805.
24. Kushelevskij Yu. I. Severnyj polyus i zemlya Yalmal: Putevye zapiski, vedennye vo vremya ekspeditsij 1862, 1863 i 1864 g., predprinyatyh dlya otkrytiya suxoputnogo i vodyanogo soobshheniya na severe Sibiri ot reki Eniseya cherez Uralskij hrebet do r. Pe-chory Yu.I. Kushelevskim. SPb, 1868.

Рецензент: Федоров Павел Викторович,
доктор исторических наук, профессор